

Былые самодуры.

(Изъ семейной хроники).

Дѣти очень любили слушать рассказы старухи-бабушки о давно прошедшихъ временахъ, о людяхъ, давно сошедшихъ со сцены. Разбирая какъ-то старья бумаги и старые портреты, попался имъ въ руки выцвѣтшій дагерротипъ.

— Бабушка, а это кто же? спросили они.

— А это Вашъ дальній родственникъ Н. А. К. ¹⁾.

И дѣти съ интересомъ выслушали слѣдующій рассказъ о немъ.

Въ 1857 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, окончивъ курсъ въ Смольномъ монастырѣ, я была привезена въ имѣніе отца, въ Новгородской губ., гдѣ тогда проживала вся наша семья. Цѣльныхъ восемь съ половиной лѣтъ пробыла я въ четырехъ стѣнахъ Института, ни на одинъ день не отпущенная домой, а потому, понятно, все окружающее меня было мнѣ интересно, ко всему присматривалась и прислушивалась я съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ то время помѣщиковъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, кругомъ было много, и меня начали возить знакомиться съ ними.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ намъ на дорогѣ встрѣтилось двое саней.

Въ переднихъ—сидѣлъ господинъ, повидимому не молодой, укутанный тщательно, а подлѣ него—совсѣмъ молодой человекъ. Во вторыхъ саняхъ сидѣло тоже двое, изъ которыхъ одинъ, видимо слуга, держалъ въ рукахъ ружье.

¹⁾ Настоящая фамилія Николай Алексѣевичъ Кагаловъ.

Сани остановились, послѣдовали привѣтствія.

Изъ разговора отца съ встрѣченнымъ господиномъ я поняла только, что имѣніе свое онъ продалъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Долго говорить не пришлось, и мы разъѣхались. Тѣмъ не менѣе меня заинтересовалъ встрѣчный и показался мнѣ какъ будто страннымъ. Изъ разговора отца съ матерью я услышала, что спутникъ его былъ докторъ, а слѣдующіе—учитель гимнастики и человекъ съ ружьемъ, обязанность котораго защищать его отъ встрѣчныхъ враговъ.

— Видно не оставилъ еще своей маніи вездѣ и во всѣхъ видѣть злодѣевъ, посягающихъ на его жизнь, сказалъ мой отецъ. Да и гимнастики не забываетъ.

Бережетъ свое драгоценное здоровье. Докторъ же долженъ пробовать все, что ему подается къ столу.

— Но кто же это? спросила я.

— А это твой двоюродный дядюшка, отвѣчала мнѣ мать, а мой двоюродный братъ—Николай Алексѣвичъ К.

Съ дѣтства и знала, любила и уважала своего родного дядю, Николая Александровича К., объ этомъ же родственникѣ не имѣла никакого понятія.

Заинтересованная и самою личностью новаго родственника, и тѣмъ, что услышала изъ разговора отца съ матерью, я стала спрашивать ихъ о немъ, и вотъ что узнала.

Два брата, Романъ Алексѣвичъ и Николай Алексѣвичъ К. были дѣти богатаго Новгородскаго помѣщика.

Отецъ ихъ былъ морякомъ и участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи.

Оба сына воспитывались въ военныхъ училищахъ.

Старшій—Романъ, въ концѣ концовъ оказался юнкеромъ на Кавказѣ.

Сколько лѣтъ онъ тамъ прослужилъ, или лучше сказать прокуралесилъ, не знаю. Но наконецъ ему это надоѣло, и онъ явился къ своему командиру боевому генералу.

— Ваше Превосходительство! сказалъ онъ, скоро ли я буду произведенъ въ офицеры?

— Ну, ужъ извините, пока я живъ, этого не будетъ.

— За этимъ дѣло не станетъ, продолжалъ юнкеръ, вынимая пистолетъ и направляя его на генерала.

— Ну, нѣтъ, подождите, остановилъ его тотъ. Пускай лучше будетъ однимъ негоднымъ офицеромъ больше; а я въ своей жизни еще надѣюсь принести пользу.

Такимъ образомъ молодецъ этотъ былъ произведенъ въ офицеры и скоро вышелъ въ отставку.

Пріѣхавъ на родину, онъ однажды сидѣлъ въ гостяхъ у своей тетки.

Деревенская дѣвочка лѣтъ 12 принесла дрова и стала затапливать печь.

— Тетушка, сказалъ Романъ Алексѣевичъ, подарите мнѣ эту дѣвочку.

— Что это тебѣ вздумалось? Зачѣмъ тебѣ она?

— Мое дѣло. Подарите! Тогда это дѣлалось просто: дѣвочка была подарена племяннику.

Онъ отвезъ ее въ Петербургъ и помѣстилъ въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ.

Самъ же продолжалъ бездѣльничать на родинѣ.

Николай Алексѣевичъ К., меньшей братъ, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ. Въ тѣ времена тѣлесное наказаніе въ корпусахъ примѣнялось часто. И вотъ, будучи уже въ старшихъ классахъ, этому наказанію долженъ былъ быть подвергнутъ и К. Схвативъ перочинный ножикъ, онъ сталъ наносить себѣ раны; ножикъ у него отняли. Тогда онъ вырвался, побѣжалъ по коридору, разбилъ окно и стекломъ сталъ рѣзать себѣ горло.

Не знаю, подвергли ли его тѣлесному наказанію, но кончилась эта исторія тѣмъ, что его разжаловали въ солдаты и сослали въ Оренбургскіе линейные батальоны.

А въ Морскомъ корпусѣ долго сохранялось преданіе о ка-торжномъ К. Батальонный командиръ К. былъ финляндецъ, имѣвшій взрослую дочь.—Прослужилъ К. солдатомъ не долго: командиръ, прельщенный его богатствомъ и родовитостью, выхлопоталъ ему производство въ офицеры и выдалъ за него дочь. К. вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ Новгородскомъ имѣніи, куда конечно послѣдовала за нимъ и его молодая жена.

Здѣсь онъ повелъ совсѣмъ особый родъ жизни. Несмотря на многочисленныхъ сосѣдей-помѣщиковъ, онъ ни съ кѣмъ не знакомился, никого не принималъ и самъ ни кому не ѣздилъ. Подобной жизнью особенно тяготилась его молодая жена, при-выкшая къ постоянному обществу, въ кругѣ тѣхъ же офицеровъ. Но онъ и при подобной замкнутой жизни устраивалъ женѣ пріятныя развлеченія.—Такъ напримѣръ: была у нея любимая кошка. Онъ запретъ жену въ одну комнату, а въ сосѣдней комнатѣ стоялъ большой катокъ для бѣлья. Посадить кошку на катокъ и катаетъ его.—Кошкѣ вреда никакого не дѣлается, но она отчаянно мяучить; а въ сосѣдней комнатѣ

жена доходить до истерики. На всѣ жалобы жены на скучную жизнь, онъ отвѣчалъ ей:

— Вотъ погоди; скоро устрою праздникъ и приглашу сосѣдей, тогда и познакомишься.

Наступила весна; Въ Новгородской губ. очень практиковалось такъ называемое „подсѣчное хозяйство“. Осенью рубился молодой лѣсокъ, такъ лѣтъ 20—22-хъ; такъ, называемыя тамъ „лединки“. Срубленный лѣсъ лежалъ всю зиму подъ снѣгомъ, а весной, когда снѣгъ таялъ и деревья просыхали, ихъ начинали обжигать, и горящими катали по всей вырубленной полянѣ. Такимъ образомъ земля и нагрѣвалась и удобрялась теплой золой. Во время этого дѣйствія сучья сжигались, а оставшіеся стволы убирались и шли на топливо.

Землю же пахали и первый годъ сѣяли на ней пшеницу. Земля, приготовленная такимъ способомъ, давала прекрасные урожаи. На слѣдующій годъ на этой землѣ сѣяли рожь, затѣмъ два года овесъ. Послѣ чего мѣсто это забрасывалось опять лѣтъ на двадцать, пока не выросталъ на немъ новый молодой лѣсокъ.

Обжиганье и катанье по землѣ горящихъ бревенъ—работа самая тяжелая и грязная; но какъ-то такъ было заведено, что ее выполняли преимущественно женщины.

И вотъ заявляетъ К. женѣ, что предполагаемый сборъ гостей долженъ быть такого то числа. Начинаются приготовления. Изъ Петербурга, отстоящаго отъ имѣнія верстъ на 300, выписываютъ дорогую провизію. Обѣдъ готовится человѣкъ на сто. Въ день праздника столъ убирается серебромъ, хрусталемъ, вазами съ цвѣтами. Жену К. просить одѣться пснаряднѣе и побогаче, что она конечно выполняетъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Но въ то же время онъ объявляетъ ей, что у насъ не принято, чтобы хозяйка встрѣчала гостей: она выходитъ къ нимъ, когда всѣ уже съѣдутся.

Въ часъ, назначенный для обѣда, К. беретъ жену подъ руку и торжественно ведетъ ее въ столовую. И кого же она такъ встрѣчаетъ? Человѣкъ сто мужиковъ и бабъ въ самомъ неприглядномъ видѣ, взятые прямо съ работы, грязные, смущенные окружаютъ нарядный столъ. И съ ними-то молодая ховяйка должна была быть и мила и любезна! Неизвѣстно, какъ она справилась съ этой трудной задачей.

Можно предположить, какія отчаянныя письма писала молодая женщина своимъ родителямъ! И вотъ къ ней пріѣхала ея мать генеральша. Злѣе встрѣтилъ ее съ большимъ почетомъ, и по-

своему ублажалъ ее какъ могъ. Но видно не особенно было пріятно гостѣвъ ухаживаніе зятя; пробыла не долго и собралась въ обратный путь.

Какъ я говорила уже, отецъ Николая Алексѣевича былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи и привезъ изъ Китая байдарку, китайскіе костюмы и маленькія пушки, называемыя, кажется, фальконетками или мортирками.

Въ моментъ отъѣзда тещи къ крыльцу подана была коляска, запряженная четверкой прекрасныхъ лошадей. Едва гостя, простясь съ хозяевами, успѣла вмѣстѣ со своей горничной сѣсть въ экипажъ, раздался пушечный выстрѣлъ. Лошади подхватили и понесли. Дорога все время шла лѣсомъ. До ближайшей станціи было верстъ тридцать. Едва кучеру удавалось поудержать и поуспокоить лошадей, раздался новый выстрѣлъ, и лошади снова несли. Мортиры были разставлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ по дорогѣ.

Генеральшу привезли на станцію въ обморокѣ и еле удалось привести ее въ чувства.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, она подала на зятя жалобу шефу жандармовъ. К., разумѣется, вызвали, явился скромный молодой человекъ, самъ несказанно огорченный послѣдствіями своей неудачно придуманной затѣи; но, по его мнѣнію, чѣмъ же лучше всего могъ онъ почтить свою тещу, даму военную, какъ не пушечной пальбой! Не знаю, на сколько повѣрили его искренности, но отпустили съ миромъ.

Не долго прожила съ нимъ и его молодая жена: уѣхала къ своимъ родителямъ.

Не знаю, какъ была фамилія его жены; помню только, что много лѣтъ спустя, когда К. игралъ въ карты, пиковую даму всегда называлъ „Мазулиха“, прибавляя при этомъ: „моя теща“.

Не остался и Николай Алексѣевичъ въ своемъ имѣніи, а перенесъ свою кипучую дѣятельность въ г. Тихвинъ, куда переѣхалъ и его братецъ Романъ.—Уѣздный городъ Тихвинъ былъ въ то время довольно оживленнымъ пунктомъ, благодаря многимъ окрестнымъ помѣщикамъ и своей водной системѣ.

Братья повели жизнь, что называется, во всю, вся уѣздная администрація была ихъ друзья и пріятеля, и разные пиры и кутежи не прерывались. Устраивались, на примѣръ, такіе фокусы: была въ городѣ молодая барыня, которую имъ вздумалось особенно почтить. Приближался день ея именинъ, на дворѣ дома гдѣ жили братья, сложили большую печь, и въ ней испекли огромный крендель. Въ день именинъ крендель этотъ положенъ былъ

Понятно, всё эти купли и продажи совершались при помощи обмана и подкупа, а на вопрос знакомыхъ, какъ онъ устраиваетъ всё эти дѣла, онъ цинично отвѣчалъ: „У меня въ Петербургѣ непочатый уголь дураковъ“.

Но вотъ и его спекуляціямъ пришелъ конецъ. Учреждалось земство. Землевладельцы должны были представить планы и подробныя свѣдѣнія о своихъ земляхъ. Многимъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ работа эта была не по силамъ, и вотъ высшее начальство просило мировыхъ посредниковъ помогать въ этомъ дѣлѣ желающимъ.

К. тоже написалъ своему хорошо знакомому посреднику, прося его пріѣхать къ нему и помочь разобраться въ такомъ трудномъ дѣлѣ.

Посредникъ исполнилъ его просьбу; два дня прожилъ у него, но помощи оказать ему не могъ. Дѣло было въ томъ, что планъ его имѣнія, которое онъ опять собирался продать, былъ весь искаженъ: гдѣ было моховое болото, тамъ значился стросвой лѣсъ, гдѣ былъ пустырь — тамъ поемные луга. А такъ какъ въ Новгородской губ. такихъ болотъ особенно много, то и имѣніе это при подобномъ планѣ мѣняло свою цѣнность. Теперь предстояла ему задача: какъ быть? Представить искаженный планъ въ земскую комиссію — поземельный налогъ будетъ очень значительный. Представить настоящій планъ? Но покупатель обратится за справками въ земство, и тамъ получитъ вѣрныя свѣдѣнія. Съ тѣмъ и уѣхалъ отъ К. мировой посредникъ, не будучи въ состояніи дать ему желательнаго совѣта.

Какъ отплатить посреднику за нежеланіе его помогать въ мошенничествѣ? У К. былъ попугай. По прошествіи нѣкотораго времени Николай Алексѣевичъ приглашаетъ сосѣдей на обѣдъ. Попугай виситъ въ столовой; клѣтка покрыта темнымъ платкомъ. Во время обѣда покрывка эта спимается, и попугай начинаетъ выкрикивать отборную брань на посредника. Многіе изъ гостей, любившіе и уважающіе посредника, вышли изъ-за стола, а нѣкоторые собрались и совсѣмъ уѣзжать изъ дома. Только обѣщаніемъ. — свернуть попугаю голову, — удалось К. умиловать своихъ гостей.

Это послѣднее, что я слышала о миломъ родственникѣ. Прожилъ онъ послѣ этого недолго, и какъ покончилъ свою дѣятельную жизнь — не знаю.